

Белорусский БАНКОВСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

**Еженедельный информационно-аналитический
и научно-практический журнал**

**Выпуск №41 (196)
1 ноября 2002 года**

Совершенствование процедуры банкротства в Беларуси в аспекте взаимоотношений «принципал-агент»

Валерий БАЙНЕВ

Согласно представлениям сторонников неоинституционализма, даже идеализированная рыночная экономическая система обладает рядом фундаментальных недостатков (некоторые авторы для обозначения этого явления используют иные термины – «ошибки», «изъяны», «дефекты», «фиаско» и даже «провалы» рынка) (см., например, [3 с. 77-86; 6, с. 37-54; 7, с. 267-331]). Кроме того, на практике свободные рыночные силы, с точки зрения институционализма, неизбежно испытывают внешние воздействия со стороны разного рода общественных ограничителей – институтов (государство, церковь, традиции и т.п.). Характер таких воздействий может носить как возмущающий, смещающий экономическую систему из состояния равновесия, так и стабилизирующий, компенсирующий эти возмущения характер. Именно последним обстоятельством объясняется объективная необходимость участия в социально-экономических процессах таких важнейших регуляторов, как различные государственные институты, среди которых весьма значимая роль отводится институту экономической несостоятельности (банкротства). При этом в качестве набора антикризисных процедур используется прежде всего санация, и лишь в случае ее нецелесообразности – ликвидации кризисного предприятия [5, ст. 1, 2]. Что касается проблемы изъянов рынка, то наряду с описанными в любом учебнике по экономической теории зонами его дефектов, связанных с ограниченной конкуренцией (существованием естественных монополий) и наличием экстерналий (внешних эффектов) относительно недавно были установлены и другие источники провалов рынка вследствие наличия проблемы «принципал-агент» (агентской или инсайдерской проблемы) [2, 4]. Кстати говоря, эксперты по переходным

экономикам Всемирного банка и Института Уильяма Дэвидсона (США) именно агентскую проблему уверенно называют в числе основных причин неудач рыночного реформирования и, следовательно, социально-экономических кризисов в странах постсоветского лагеря [2].

Сущность проблемы «принципал-агент», как известно, состоит в том, что в связи с процессами корпоратизации (в т.ч. акционирования) современных предприятий и отделения функций управления от права собственности руководители (менеджеры) компаний имеют интересы, существенно отличающиеся от целей возглавляемых ими организаций (асимметрия интересов). Так, например, юридические собственники предприятий – акционеры – имеют своей целью получение дивидендов и потому заинтересованы в максимизации прибыли (концепция максимизации прибыли как основной цели функционирования организации лежит в основе классической теории фирмы). Однако на практике акционеры оказываются отстраненными от оперативного управления компаниями, поскольку в периодах между собраниями акционеров право принятия управленческих решений принадлежит исключительно менеджменту (асимметрия прав). Менеджеры, имея свободный доступ к оперативной хозяйственной информации (информационная асимметрия) и большие полномочия, выступают в качестве реальных собственников предприятия и, сообразуясь со своими личными корыстными интересами, могут так размещать капитал фирмы, что ее юридические владельцы упускают прибыль или даже несут убытки. Такие хозяйственные операции, именуемые в экономической литературе «инсайдерскими операциями» или «сделками менеджеров между собой», хорошо изучены и описаны (в т.ч. и в публикациях по громким хозяйственным делам в Республике Беларусь).

Таким образом, асимметрия интересов, прав и информированности сторон в системе взаимоотношений «принципал-агент» (в данном случае «акционер-менеджер») является основой инсайдерской проблемы и, в конечном счете, кризисных явлений в социально-экономических системах переходных стран. Необходимо отметить, что агентская проблема многогранна в своих проявлениях и обнаруживает себя не только в системе взаимоотношений «акционер-менеджер», но и, например, на государственных предприятиях, когда в роли «принципала» выступает их собственник – государство. Руководители же государственных организаций, являясь «агентами» и действуя как инсайдеры в контексте рассматриваемой проблемы, организуют перекачку ресурсов возглавляемых ими предприятий в коммерческие структуры, которыми в буквальном смысле обрастают госпредприятия как на входе (поставщики ресурсов по ценам выше рыночных), так и на выходе (перепродавцы-спекулянты, приобретающие продукцию по заниженным ценам). При этом реализация корыстных интересов директоров-инсайдеров осуществляется либо через систему «откатов», связанных с возвратом лично директорам части недополученных предприятием ресурсов, либо вообще на поверку оказывалось, что фирмы-прилипалы принадлежат близким родственникам таких руководителей. В итоге хорошо отлаженные инсайдерские цепочки, словно насосы, неумолимо выкачивают из приватизированных и государственных предприятий их оборотные средства и неумолимо подталкивают эти организации к грани кризиса. Если государствен-

ные предприятия частично защищены от действий инсайдеров бюрократическим аппаратом, то акционерные общества зачастую оказываются вообще беззащитными перед лицом описанной смертельной угрозы и в итоге попадают в кризисную ситуацию.

Рост числа кризисных организаций в постсоциалистических странах объективно вызвал к жизни институт экономической несостоятельности. В настоящее время в большинстве стран с транзитивной экономикой действуют соответствующие законы о банкротстве. Так, например, 30 мая 1991 г. Верховный Совет БССР одним из самых первых на постсоветском пространстве принял Закон «Об экономической несостоятельности и банкротстве». К сожалению, практика (а точнее, ее отсутствие) применения этого законодательного акта показала, что он обладал рядом недостатков, обусловивших его крайне низкую эффективность (за период 1991-2000 гг. имели место единичные случаи банкротства). В частности, банкротство в указанном законе трактовалось в узком (обыденном) смысле этого термина, а упор при его реализации делался, главным образом, на судебные процедуры. В итоге закон оказался декларативным, а кризисных предприятий становилось все больше и больше (табл. 1).

Ситуация кардинально изменилась в 2000 г. после принятия новой версии этого закона [5]. В настоящее время под банкротством в Республике Беларусь понимается целый комплекс антикризисных мероприятий по оздо-

Таблица 1. Показатели эффективности функционирования предприятий Республики Беларусь

Показатель	Годы									
	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Доля убыточных предприятий в общем их числе, %	4,8	6,2	7,3	17,9	18,4	12,3	16,2	16,9	22,3	34,2
в том числе:										
промышленных	0,7	2,9	3,1	11,6	17,6	11,8	10,5	8,8	18,4	29,7
сельскохозяйственных	2,2	4,3	5,3	13,2	15,2	11	33,3	39,2	39,4	54,2
Рентабельность продукции предприятий, %	22,1	17,4	20,7	9,9	9,7	10,1	10,9	15,2	13,1	8,2
в том числе:										
промышленных	29,1	22,7	29	10,1	10,6	13,2	14,5	17,1	15,8	10,8
сельскохозяйственных	16,7	9,4	13	17,7	13,3	14,2	4,5	15,7	5	0,2

Источник: Вечерко Г., Каштанова Е. Финансовое состояние предприятий – индикатор эффективности производства // Белорусский банковский бюллетень. 2002. №11. – с. 23-33.

ровлению должника, и лишь в случае невозможности или неудачи санации – посредством применения к нему ликвидационных процедур. В итоге только за 2001 г. хозяйственными судами Республики Беларусь рассмотрено около 1000 дел о банкротстве, главным образом предприятий негосударственной формы собственности (95% от общего числа дел).

Несмотря на малый срок, прошедший с момента принятия нового закона о банкротстве, имеют место отдельные случаи успешной санации предприятий Республики Беларусь. Так, например, комплекс антикризисных мероприятий, осуществленных антикризисным управляющим на ОАО «Могилевский регенераторный завод» в 2000-2002 г., позволил сделать заключение о том, что «благодаря процедуре экономической несостоятельности (банкротства) предприятие успешно вышло из кризиса и в настоящее время способно эффективно функционировать вне процедуры антикризисного управления» (цит. по отчету антикризисного управляющего). Однако очевидно, что об эффективности отечественного института банкротства говорить все же не приходится.

Анализ практики применения аналогичных законов за рубежом показывает, что в большинстве стран с переходной экономикой в области функционирования системы банкротства имеется множество проблем. Так, например, в Российской Федерации в настоящее время также действует второй вариант закона о банкротстве, поскольку первый его вариант, по утверждению российских специалистов, как и в Республике Беларусь, содержал в себе ряд теоретико-методологических недостатков [1, с. 108]. В период действия первого варианта закона о банкротстве, основанного на принципе неоплатности (неоплатность – это ситуация, когда пассивы фирмы превышают ее активы), институт банкротства развивался достаточно медленно – в 1993 г. в Российской Федерации было рассмотрено около 100 дел, в 1994-м – 240, в 1995-м – 1108, и в 1997 г. – 4700 дел о банкротстве.

Ситуация кардинально изменилась после принятия в 1998 г. новой версии закона о банкротстве, в основу которой положен принцип неплатежеспособности [1, с. 75-80, 107-110]. В настоящее время в Рос-

сийской Федерации для того, чтобы начать процедуру банкротства, достаточно задолженности в размере 500 минимальных размеров оплаты труда (МРОТ), при этом срок с момента возврата долга должен превышать три месяца.

Данное обстоятельство принципиально изменило отношение к банкротству. Только за последние три года реально принято 28 тысяч решений о признании должников банкротами и открытии конкурсного производства. В 1998 г. количество признанных банкротств от общего количества принятых к производству дел составило 56,9%, в 1999-м – 64, в 2000-м – 79,5%. За первое полугодие 2001 г. 89% дел завершилось признанием предприятия банкротом. В период с 1998 по 2000 гг. банкротами признано 1230 государственных унитарных и муниципальных предприятий, в т.ч. 322 крупнейших предприятия, причем 56 из них – в 2000 г.

В итоге число банкротств стало очень велико, а результаты их рассмотрения по-прежнему неутешительны. За 9 месяцев 2001 г. в Российской Федерации обанкротилось 12530 должников – почти столько же, сколько за весь 2000 г. Если в первом полугодии 2000 г. к производству по делу о банкротстве было принято 7754 заявления, то за весь период 2001 г. – 14926, причем примерно в 11000 случаев – без введения процедуры наблюдения. В результате санации удалось выжить всего лишь 27 предприятиям, что менее 0,2% от общего числа организаций-банкротов.

Анализ возвратности средств кредиторам от первой до пятой очередей (погашение кредиторской задолженности) в Российской Федерации также дал неутешительные результаты – в итоге законченных в 2001 г. процедур банкротства, например, в Приволжском федеральном округе кредиторам четвертой очереди (обязательные платежи) возвращалось лишь 1,85 копейки на рубль кредиторской задолженности, а кредиторам пятой очереди (конкурсные кредиторы) – 1-1,5 копейки. В Северо-Западном округе соответственно возвращалось 2,5 и 2 копейки, а в целом по стране возврат задолженности конкурсным кредиторам составил около 7 копеек на 1 рубль долгов [1, с. 109]. Все изложенное дает возможность констатировать, что практический результат функ-

функционирования института банкротства в Российской Федерации фактически «равен нулю». Зато его недостатки, связанные с ущемлением прав должника и акционеров, ограниченностью показателя неплатежеспособности и возможностью его противоправного использования, позволили говорить о том, что банкротство стало легальным инструментом для очередного нечистоплотного масштабного передела собственности. В итоге очевидная неэффективность института банкротства как в России, так и в Беларуси дает основания специалистам в сфере антикризисного управления вновь поднять вопрос о серьезном совершенствовании их национальных систем банкротства.

Анализ проблем института антикризисного управления и банкротства позволяет сделать вывод о том, что едва ли не основной их причиной является все та же проблема «принципал-агент». Дело в том, что реализация ряда применяемых к предприятию-должнику процедур банкротства связана с передачей части или всех функций по управлению кризисной организацией внешнему управляющему, который также может использовать свои полномочия для осуществления инсайдерских операций. Так, например, в Российской Федерации применение к кризисной компании процедуры «внешнее управление» предполагает отстранение ее руководителя от должности и передачу его полномочий назначаемому арбитражным судом внешнему (арбитражному) управляющему.

В Республике Беларусь к предприятию-банкроту также могут быть применены антикризисные процедуры, связанные с ограничением или прекращением полномочий его менеджмента. Так назначение хозяйственным судом процедуры «защитный период» связано с передачей части функций действующего руководства банкрота временному управляющему, который обеспечивает сохранность имущества кризисной организации и осуществляет анализ ее финансово-хозяйственной деятельности (2, ст. 33-37). На основании отчета временного управляющего хозяйственный суд может принять решение о применении к предприятию-должнику процедуры «конкурсное производство с санацией» или «конкурсное производство с ликвидацией», которые однозначно связаны с

отстранением от должности прежнего руководства фирмы и передачей всех его полномочий антикризисному управляющему (2, ст. 1, 12, 61, 75, 76, 90)

Анализ практики функционирования систем банкротства в странах СНГ показывает, что внешние (арбитражные, временные, антикризисные, конкурсные и т.п.) управляющие также могут иметь интересы, не совпадающие с целями возглавляемых ими компаний. Так, если собственник кризисного предприятия имеет своей целью выживание принадлежащей ему организации и восстановление ее эффективного функционирования, то внешний управляющий может преследовать иные, в т.ч. личные, корыстные интересы. Российская практика показывает, что арбитражный управляющий, призванный вывести должника из кризисного состояния, зачастую наоборот, используя все свои полномочия, сознательно так ведет дела, что в итоге кризисное предприятие в результате процедур банкротства меняет своего собственника. Разумеется, за осуществление такого «заказного» банкротства новый собственник негласно выплачивает хорошее вознаграждение внешнему управляющему.

Таким образом, во взаимоотношениях «собственник кризисного предприятия – внешний управляющий» налицо все признаки вышеописанной проблемы «принципал-агент», а именно: конфликт интересов, асимметрия полномочий и крайне низкая информационная прозрачность процедур банкротства. В итоге многочисленные примеры действий арбитражных управляющих по осуществлению ими инсайдерских «антикризисных» мероприятий позволяют констатировать факт, что благодаря агентской проблеме институт банкротства и антикризисного управления в Российской Федерации извратил свою сущность и превратился в систему очередного незаконного передела собственности.

В Республике Беларусь ни о каком переделе собственности посредством института банкротства говорить пока не приходится, тем не менее признаки инсайдерской проблемы при реализации антикризисных процедур в отечественной практике все же имеются. Конфликт интересов в контексте взаимоотношений «принципал-агент» проявляется в том, что

собственник кризисного предприятия (государство или акционеры) заинтересован в его скорейшем финансовом оздоровлении, в то время как антикризисный управляющий имеет своей целью получение максимального вознаграждения, которое «устанавливается за каждый месяц осуществления им своих полномочий» [2, ст. 77]. Иными словами, суммарное вознаграждение внешнего управляющего прямо пропорционально длительности и количеству реализуемых им процедур банкротства и, следовательно, его цели в целом не совпадают с основными задачами антикризисного управления. Повременная оплата труда антикризисного управляющего, величина которой к тому же устанавливается собранием кредиторов за счет средств кризисного предприятия, стимулирует менеджера к затягиванию процедур банкротства.

Так, например, практика санации ОАО «Алесь» убедительно доказала, что «внешние управляющие имеют законные основания получать заработную плату на протяжении полутора лет без заинтересованности в поиске стратегического инвестора и способов эффективной работы» [1, с. 215]. При этом совершенно очевидно, что хотя личные, корыстные интересы белорусских внешних управляющих пока еще и не столь масштабны как у их российских коллег, наносимый ими ущерб как отдельным предприятиям, так и национальной экономике в целом может оказаться отнюдь не менее губительным.

В связи с этим важнейшей задачей совершенствования национальной системы банкротства в стране в качестве механизма экономического оздоровления на макро- и микроуровне представляется создание институциональных ограничителей, препятствующих осуществлению инсайдерских операций не только обычными руководителями, но и специалистами по антикризисному управлению. В числе основных направлений совершенствования института банкротства, призванного смягчить остроту проблемы «принципал-агент» в системе взаимоотношений «собственник кризисного предприятия – антикризисный управляющий» можно назвать следующие.

1. Совершенствование системы оплаты услуг внешнего управляющего, которая обеспечила бы более

ярко выраженное стимулирование его деятельности в направлении восстановления эффективного функционирования кризисного предприятия. Изучавшие этот аспект агентской проблемы белорусские специалисты полагают, что «необходимы другие стимулы работы управляющих в процедуре банкротства и переориентация их на антикризисное управление с получением вознаграждения в процентах от чистой прибыли предприятия, прошедшего процедуру финансового оздоровления» [1, с. 215].

2. Усиление мотивации эффективной работы внешних управляющих путем введения обязательного страхования их ответственности, в том числе и за счет личных средств, вносимых в специальные компенсационные фонды. Так, например, в новом (третьем по счету) варианте российского закона об экономической несостоятельности предусмотрено, что личный взнос арбитражного управляющего в такой компенсационный фонд составит 300 тыс. RUR. При этом сумма страхового покрытия убытков от некомпетентного антикризисного управления должна увеличиваться по мере роста балансовой стоимости имущества кризисного предприятия: если эта стоимость составляет значение до 300 млн. RUR, покрытие возрастает до 5% от балансовой стоимости, т.е. до 15 млн. RUR; если балансовая стоимость находится в пределах от 300 млн. RUR до 1 млрд. RUR, страховое покрытие возрастает до величины 15 млн. RUR + 3% от балансовой стоимости активов кризисного предприятия сверх 300 млн. RUR.

Разумеется, сумма страхового покрытия вряд ли окажется под силу антикризисным управляющим (особенно в Республике Беларусь), поэтому представляется целесообразным их объединение в имеющие свои собственные компенсационные фонды общественные организации по типу коллегий адвокатов или нотариусов. Так, например, в новом варианте российского закона о банкротстве предусмотрено обязательное членство арбитражных управляющих в одной из так называемых саморегулирующихся организаций арбитражных управляющих (СРО) [1, с. 77]. Данное обстоятельство отнюдь не означает, что коллегия внешних управляющих должна быть создана административно на базе, например, Белорусского общественного объединения специалистов по анти-

кризисному управлению. В данной сфере монополизм особенно опасен, и потому таких организаций с целью привнесения конкурентных отношений в данную сферу должно быть создано множество. Более того, в законодательстве о банкротстве должны быть предусмотрены соответствующие антимонопольные меры.

3. Повышение профессионализма внешних управляющих, которое может быть достигнуто, во-первых, обязательным членством в СРО внешних управляющих, а во-вторых, изменением нормативных требований при их аттестации.

Обязательное членство внешнего управляющего в одной из коллегий антикризисных управляющих, на наш взгляд, непременно подведет институт банкротства к той грани, когда антикризисное управление из частного предпринимательства превратится в профессионализм (напомним, что, согласно действующему белорусскому законодательству, внешний (временный, антикризисный) управляющий должен быть зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя [5, с. 61]). Кроме предоставления гарантий по страховому покрытию указанные коллегии должны осуществлять контроль за деятельностью внешних управляющих, а государство с помощью таких организаций сможет опосредованно и, следовательно, цивилизованно воздействовать на процессы банкротства.

В отношении проблемы повышения профессионального соответствия внешних управляющих путем корректировки квалификационных требований к ним можно указать следующее. Как известно, в Республике Беларусь процедура конкурсного производства может быть связана как с ликвидацией, так и с санацией предприятия-должника. Очевидно, что ликвидация и санация – это мероприятия антикризисного управления, требующие от внешнего управляющего качеств, на порядок отличающихся по уровню профессионализма. Если ликвидация предприятия-банкрота связана с рядом типовых, по сути дела, технических действий, то финансовое оздоровление банкрота и восстановление его эффективного функционирования – это уже искусство, «высший пилотаж» менеджмента. Есть основания полагать, что 3,5-месячной подготовки для получения соответствующего аттестата явно недостаточно. Иными слова-

ми, сложившееся положение дел, когда временный управляющий для реализации процедуры защитного периода и антикризисный управляющий для осуществления ликвидационного производства или финансового оздоровления должны иметь одинаковые аттестаты и лицензии, выглядит, по меньшей мере, нелогичным – слишком уж различные уровни квалификации необходимы для реализации перечисленных процедур банкротства.

По нашему мнению, наряду с дифференцированием лицензий внешних управляющих по категориям А, В и С (в зависимости от размеров предприятий-должников), необходимо предусмотреть ранжирование их квалификации в соответствии со спецификой реализуемых процедур банкротства (защитный период, санация, ликвидационное производство). Для усиления мотивации деятельности внешних управляющих необходимо предусмотреть обязательные публичные слушания в соответствующих коллегиях по итогам проведенных процедур банкротства на предмет возможного повышения или понижения квалификационного статуса конкретных менеджеров.

4. Обеспечение полноценной защиты интересов и прав собственников кризисных организаций, вызванное тем, что в отечественной практике с момента возбуждения процедур банкротства должнику достается лишь роль стороннего наблюдателя за их ходом. В то же время хорошо известно, что в законодательстве о банкротстве целого ряда развитых стран (например, США) приоритет отдается не интересам кредиторов, а возможности сохранения предприятия-должника. Разумеется, не следует бросаться и в другую крайность, поскольку еще со времен СССР в Республике Беларусь накопилось достаточное количество не просто убыточных, но и бесперспективных предприятий. В отличие от нас в экономически развитых странах отношение общественности к банкротству давно уже нейтрально-позитивное, поскольку там данная проблема традиционно рассматривается через призму, прежде всего, естественной ограниченности жизненного цикла предприятия (в Германии ежегодно фиксируется до 45 тыс. банкротств, а в США в 2001 г. было возбуждено 1,5 млн. дел о банкротстве). В связи с этим создание искусственных препятствий и барьеров на пути применения к

таким организациям процедур банкротства, призванного выполнять роль механизма «естественного отбора» жизнеспособных и выбраковки бесперспективных организаций, также можно квалифицировать в качестве инсайдерских операций, но осуществляемых на гораздо более высоком уровне.

К числу важнейших мероприятий по усилению защиты интересов и прав собственников кризисного предприятия можно отнести обязательность их участия в согласовании кандидатур внешних управляющих. При этом коллегия антикризисных управляющих, непосредственно предлагающая хозяйственному суду указанные кандидатуры, должна предоставлять и гарантии по компенсации возможного ущерба от непрофессионализма кризис-менеджера или реализации им инсайдерских операций как должнику, так и другим участникам процесса.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что многогранная и многогранная проблема «принципал-агент», явившаяся, по мнению целого ряда международных экспертов, едва ли не основной причиной кризисных явлений в реальном секторе национальных экономик большинства переходных стран, к сожалению, проявляет себя и в сфере, непосредственно связанной с преодолением ее печальных последствий. Данное обстоятельство объективно требует постоянного и целенаправленного совершенствования национальной системы банкротства путем создания эффективных институциональных противовесов, нейтрализующих саму возможность осуществления инсайдерских операций внешними управляющими.

Литература:

1. Антикризисное управление и модернизация экономики Республики Беларусь: Материалы 1-й Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 4-5 июня 2002 г.) / Ред. колл.: В. Ф. Байнев и др. – Мн.: ОДО «Хозяйство и право», 2002.
2. Байнев В. Ф. Проблемы антикризисного менеджмента: корпоративное управление и инсайдерские операции // Финансы, учет, аудит, 2002. – №2. – с. 22-27.
3. Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики, 2001. – №2. – с. 73-106.
4. Валдайцев С. В. Стратегии инвесторов предприятия и «агентская проблема»: Учеб. пособие, СПб., 1994.
5. Закон Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» от 18 июля 2000 г. № 423-З.
6. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Пер. с англ., СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. – 702 с.
7. Хайман Н. Д. Современная микроэкономика: анализ и применение / Пер. с англ. В 2 т. Т. 2. – М.: Финансы и статистика, 1992. – 372 с.

Белорусский БАНКОВСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

**Выпуск №5 (160)
4 февраля 2002 года**